ЛЕГЕНДА О ЦАРСКОМ БРАТЕ: ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – СОЛОВЕЦКИЙ ПАТРИАРХ СЕРАФИМ

С.Л. Фирсов

История, связанная с именем Михаила Александровича, младшего брата последнего русского самодержца, во многом напоминает остросюжетный детектив с включенными в него элементами абсурда. Несостоявшийся император, 3 марта 1917 г. вынужденно согласившийся принять корону лишь в случае, «если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»[1], пятнадцать месяцев спустя оказался жертвой бессудной расправы в далекой Перми. В советское время о нем предпочитали вообще не вспоминать, даже статьи о великом князе в Советской исторической энциклопедии не было. На Западе, в среде русских православных монархистов, память о Михаиле Александровиче забвению не предавалась: в 1981 г. он был причислен к лику святых Русской Православной Церковью Зарубежом.

Казалось бы, ситуация достаточно ясна и понятна: брата императора Николая II лишили жизни без всякого судебного расследования, его убийцы никакого наказания не понесли, да и само убийство не подверглось осуждению. Однако так кажется только на первый взгляд. Новое время принесло новое восприятие жизни и смерти Михаила Александровича, более того, в маргинальных религиозных кругах в 2000-х гг. стала распространяться история о том, что великий князь избежал расстрела и стал монахом, затем епископом, исповедником веры, прошедшим тюрьмы, лагеря и ссылки. По большому счету, ничего удивительного в появлении подобных красивых сказок нет: если вспомнить, что вера есть излюбленнейшее детище чуда, то вполне корректно утверждать: *вера в чудо* часто самодостаточна и совсем не обязана опираться на здравый смысл, знание и логику. Чем абсурднее, тем очевиднее. Подлинный человек уступает место вымышленному герою, биография которого создается заново, без оглядки на реальные факты жизни. Иначе говоря, модель замещает реальность, а форма полностью покрывает содержание.

Так было и с императором Николаем II, и с «собинным другом» царской семьи Г.Е. Распутиным, но в случае с великим князем Михаилом Александровичем ситуация становится полностью алогичной: демонстративный отказ от здравого смысла позволяет конструкторам нового мифа вначале «совместить» личности великого князя и некоего М.А. Поздеева, в 20-х гг. XX в. подвизавшегося на ниве эксплуатации имени царского брата (и пострадавшего за это), а затем «создать» образ некоего епископа Серафима, скрывавшего под фамилией Поздеев свое настоящее «царское» происхождение. Эта история, полагаю, гораздо ярче приведенной И. Ильфом и Е. Петровым в знаменитых «Двенадцати стульях», хотя и несравнимо более грустная: если дети лейтенанта Шмидта воспринимаются нами как обыкновенные «опереточные» прохиндеи, то сказать аналогичные слова в адрес тех, кто в советский период выдавал себя за представителей Дома Романовых, нельзя: за такого рода самозванничество наказание полагалось чрезвычайно жесткое.

Однако обо всем по порядку. Для того, чтобы разобраться в истории с катакомбным Патриархом Серафимом, в прошлой жизни якобы бывшим великим князем Михаилом Александровичем, необходимо кратко охарактеризовать как жизнь и судьбу младшего брата последнего царя и до Февраля 1917 г., и после революции, так и основные биографические данные названного выше М.А. Поздеева.

* * *

Михаил Александрович Романов – младший сын цесаревича и великого князя Александра Алек-

[1] Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы: док., мат-лы следствия, дневники, воспоминания / сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова (далее – Скорбный путь Михаила Романова...). Пермь, 1996. С. 43 (документ № 11: Манифест Михаила Романова об отказе от восприятия верховной власти до созыва Учредительного собрания).

сандровича, будущего императора Александра III, родился 22 ноября 1878 г. Возрастная разница между Михаилом и старшим сыном Александра III Николаем составляла более десяти лет, что, безусловно, не могло не сказаться на общении братьев в молодости, ибо по большому счету они принадлежали к разным поколениям. 10 декабря 1878 г. Михаил был крещен; крестными стали самодержавный дед император Александр II, бабка со стороны матери королева Датская Луиза, великая княгиня Александра Иосифовна и великий князь Михаил Николаевич, а также принц Вольдемар Датский. Все прошло, как и было заведено: о таинстве крещения подданные оповещались 101 выстрелом из пушек Петропавловской крепости; затем Александр II возложил на внука ордена святого Александра Невского[2].

С 1886 г. у Михаила начались систематические школьные занятия, которые контролировал (как и в случае с цесаревичем Николаем Александровичем) генерал Г.Г. Данилович. Юные свои годы великий князь Михаил провел в Гатчине, где предпочитал жить его отец[3]. Михаил был любимцем Александра III, суровый монарх прощал ему практически любые шалости. Смерть Александра III, тяжелая в моральном отношении, не внесла, однако, существенных изменений в распорядок жизни великого князя, продолжавшего изучать «курс наук», рассчитанный на 12 лет.

Совершенно очевидно, что для Михаила готовилась военная (а именно артиллерийская) стезя, политических претензий у него тогда, как и впоследствии, не было. Но человек предполагает, а Бог располагает. 28 июня 1899 г. от чахотки скончался брат Николая II и Михаила — великий князь Георгий. Поскольку в то время у царя детей мужского пола не было, наследником престола с титулом цесаревича вплоть до своей кончины был Георгий. Соответственно после 28 июня 1899 г. его титул унаследовал младший брат — великий князь Михаил. Однако цесаревичем он не стал. «Факт этот очень комментировался при Дворе Марии Федоровны, — отмечал информированный современник, — но он легко объясняется надеждою молодой императрицы [супруги Николая II. — *С.Ф.*], что у нее скоро родится сын»[4]. Распространялись слухи о якобы «суеверной боязни» Александры Федоровны, переживавшей, что титул цесаревича, данный Михаилу Александровичу, помешает рождению в царской семье сына[5].

Впрочем, как бы то ни было, вплоть до рождения у Николая II и Александры Федоровны сына — цесаревича Алексея, наследником престола считался Михаил Александрович. Не имевший желания влиять на внутреннюю политику страны (при этом будучи с 1901 г. членом Государственного Совета), больше предпочитавший «обыкновенные» радости жизни, великий князь и после рождения Алексея Николаевича оставался, с формальной точки зрения, политической фигурой: на случай своей преждевременной кончины император Николай II выпустил специальный манифест. Согласно манифесту, до достижения наследником совершеннолетия правителем государства должен был оставаться великий князь Михаил Александрович (хотя опека «во всей той силе и пространстве, кои определены законом», и переходила бы к Александре Федоровне[6]).

Итак, статус Михаила Александровича был определен, и ничто не предвещало его резкого изменения. Ничто, кроме его собственных проступков. Таким проступком стала самовольная женитьба на дважды разведенной особе, к тому же не принадлежавшей к «владетельным» фамилиям Европы, — случай неслыханный в истории династии Романовых. Особа эта — Наталья Сергеевна Вульферт — носила фамилию по второму мужу, однополчанину великого князя, поручику лейб-гвардии Кирасирского Ее Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны полка. Не вдаваясь в подробности, следует сказать, что осенью 1912 г. в сербской церкви святого Саввы, в Вене, великий князь сумел обвенчаться со своей возлюбленной. Наказание последовало вскоре за

---

[2] См. подробнее: Правительственный вестник. 1878. 9/21 декабря. № 275. Суббота. С. 2.

[3] См. подробнее: *Хрусталев В.М.* Великий князь Михаил Александрович. М., 2008. С. 56–85 и др.

[4] *Мосолов А.А., генерал.* При Дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С. 148.

[5] См.: *Обнинский В.П.* Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 71.

[6] См.: Правительственный вестник. 1904. 3 августа. № 176. Вторник. С. 1.

«преступлением»: великий князь был изгнан со службы, лишен флигель-адъютантского чина и права на условное регентство, полученное после рождения цесаревича Алексея.

Михаил Александрович стал «частным человеком», проводя приятный образ жизни с супругой, — то в Париже, то в Каннах, то в Лондоне. Вместе с ними находился и их общий сын Георгий, родившийся за два года до официального венчания отца и матери. К супруге великого князя ближайшие его родственники относились с глубочайшим подозрением, если не сказать презрением, полагая, что Михаил Александрович — человек бесхарактерный, всецело находившийся под влиянием жены[7]. Это не самое резкое определение, данное великому князю. Некоторые, например, хозяйка крайне правого политического салона А.В. Богданович, передавая в дневнике свой разговор с В.Б. Штюрмером и вспоминая его слова *о вымирании рода Романовых*, называла Михаила Александровича дурачком[8]. Конечно, субъективные мнения современников не могут служить полновесным аргументом, но и игнорировать их не стоит. Важно отметить одно: к Михаилу Александровичу серьезно не относились.

Если бы не разразившаяся в 1914 г. Великая война, вероятнее всего, великий князь продолжил бы жить в Европе. Но война все изменила: Николай II разрешил брату вернуться в Россию, хотя опека над его имуществом, установленная после венчания, была снята лишь в сентябре 1915 г. В конце 1914 г. Михаил Александрович был произведен в генерал-майоры и назначен командующим Кавказской конной дивизией с зачислением в свиту. Проявив себя с наилучшей стороны, в начале 1916 г. Михаил Александрович получил назначение председателем Георгиевского комитета, а вскоре — командующим 2-м кавалерийским корпусом. В июле 1916 г. за отличие он был произведен в генерал-лейтенанты, через два месяца пожалован свитским чином генерал-адъютанта, а накануне Февраля стал генерал-инспектором кавалерии. Его жена получила титул графини Брасовой, тем самым «легализовав» свое положение в великосветском обществе.

Все изменилось после отречения Николая II в его, Михаила Александровича, пользу. «Монархом на бумаге» он пробыл около суток и вскоре, как уже говорилось, отрекся от престола. Михаил Александрович вынужденно вышел в отставку, поселившись в Гатчине. Там его и графиню Брасову 21 августа 1917 г. по постановлению Временного правительства арестовали. Причина ареста была достаточно проста: власти новой России опасались возможности использования «контрреволюционерами» брата бывшего самодержца в качестве знамени. Арест (тогда еще только домашний) был снят 13 сентября[9]. Однако прошло лишь два месяца, и уже Военно-революционный комитет принимает решение об аресте и переводе Михаила Александровича под арест из Петрограда в Гатчину[10].

Нормальной жизнь «гражданина Романова» в постреволюционной России быть не могла, хотя он старался делать все, чтобы показать свою лояльность (даже хотел сменить фамилию Романов на фамилию жены — Брасов). Пришедшие, как оказалось, «всерьез и надолго», большевики не желали помогать «бывшим» встраиваться в новую жизнь. Тем более «бывшим великим князьям». Уже 9 марта 1918 г. Совнарком под председательством В.И. Ленина слушал проект постановления о высылке Михаила Александровича и других лиц в Пермскую губернию — «впредь до особого распоряжения»[11]. И, хотя в силу постановления Михаил Александрович и высланные с ним лица имели право жить на свободе (но, разумеется, под надзором местной советской власти), сам факт высылки был весьма показательным.

О его жизни в Перми рассказывает его дневник. Из него можно узнать, что жизнь была весьма однообразной и скучной; пытаясь хоть как-то разнообразить ее, великий князь иногда играл на гитаре[12], гулял по городу, много читал, посещал знакомых и театр. Некоторое время вместе с Михаилом Александровичем жила и его супруга

---

[7] См.: *Палей, княгиня.* Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция. М.; Л., 1926. С. 355.

[8] См.: *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 469 (запись от 24 февраля 1909 г.)

[9] См.: Скорбный путь Михаила Романова... С. 65, 66, 68–69, 76 (документы № 30; № 31, № 33, № 37).

[10] См. там же. С. 85–86 (документ № 43).

[11] См. там же. С. 87, 88 (документы № 45, 46).

[12] См. там же. С. 95, 96, 97, 98, 100, 101 (документ № 56). Всего за «пермский период» Михаил Александрович одиннадцать раз заносил в дневник информацию об игре на гитаре.

Н.С. Брасова, но 5/18 мая она уехала из Перми в Гатчину. Для Михаила Александровича это оказалось большим огорчением, он был исключительно привязан к Наталье Сергеевне. Находил ли великий князь утешение в церкви? Об этом по дневнику судить трудно: лишь однажды, посетив пасхальную службу архиепископа Андроника (Никольского), он отметил, что владыка «служит очень хорошо»[13]. В дневнике не содержится информации о религиозных переживаниях Михаила Александровича, равно как и о его посещении пермских храмов, хотя сообщения о посещении развлекательных представлений и описания прогулок присутствуют. Поэтому говорить о повышенном религиозном чувстве брата Николая II не приходится. Об этом нам придется вспомнить, когда наступит очередь рассмотрения легенды о «превращении» великого князя в монаха-правдолюбца, основателя «истинной» Православной Церкви. В данном случае следует отметить следующее: до конца мая 1918 г. положение Михаила Александровича в Перми было относительно нормальным.

Однако с конца мая свое недовольство данным положением дел стали проявлять партийные активисты Перми. Один из них, рабочий-большевик А.В. Марков, указывал, что прогулки великого князя совпали по времени с описью церковных имуществ. «Набожные старухи», узнав о пребывании в городе царского брата, начали совершать «паломничества» к тем местам, где он гулял, «чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника Божия». Оценив все это как угрозу революции и опасаясь бегства великого князя, «активисты» решили «изъять» Михаила Александровича, похитив из «Королёвских номеров», где он жил. Идея эта зародилась у партийного вожака местных рабочих Г.И. Мясникова — человека крайне «левых» (даже по большевистским меркам) взглядов. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. «активисты» похитили великого князя и его секретаря Н.Н. Джонсона из гостиницы, отвезли за город и предположительно у Соликамского тракта в районе Мотовилихи расстреляли. На следующий после убийства день «активисты» вернулись и закопали тела убитых[14].

Никакого раскаяния в совершенном преступлении они не испытывали, более того, гордились содеянным, ведь, как писал Мясников, «Михаил II может стать знаменем, программой для всех контрреволюционных сил. Его имя сплотит все те силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету всех генералов, соперничающих между собой. Фирма Михаила II с его отказом от власти до Учредительного собрания очень удобна как для внутренней, так и для внешней контрреволюции»[15]. Получалось, что Михаила Александровича убили ради «великой идеи» революции, тем паче, что и он, и расстрелянный вместе с ним Н.Н. Джонсон «отвечают за дела царственных поколений»[16]. Логика простая и четкая. Правда, гласно власть тогда не смогла поддержать убийц, и 13 июня ЧК Пермского округа послала в центр телеграмму о похищении великого князя и его секретаря. Розыски результатов не дали, но самые энергичные меры были приняты[17]. А в «Известиях Пермского уездного исполкома Совета крестьянских и рабочих депутатов» от 18 сентября 1918 г. должно было появиться сообщение Пермской ЧК о задержании «сбежавшего» Михаила Александровича с историей его «поимки». Впрочем, в последний момент информацию предпочли снять, забив набранный материал черной краской. В других губернских и уездных газетах подобные сообщния также сняли; на их месте появились белые квадраты. Современные исследователи полагают, что «перед нами одно из звеньев сложной операции со всеми ее элементами, включая дезинформацию». Убийство в Перми стало репетицией главного акта драмы, случившейся в Екатеринбурге и Алапаевске[18].

Так трагически завершилась земная жизнь младшего сына императора Александра III. Но с тех же пор началось постепенное формирование легенды, основанной на имени Михаила Александровича.

---

[13] См.: Скорбный путь Михаила Романова... С. 94.

[14] См.: Судьба Михаила Романова // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 154–156.

[15] *Мясников Г.* Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. С. 48.

[16] Там же. С. 106.

[17] См.: Судьба Михаила Романова // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 152.

[18] См.: *Буранов Ю., Хрусталев В.* Гибель Императорского Дома: 1917–1919 гг. М., 1992. С. 123–124, 125.

Вклад в это дело внесли и большевики, своей дезинформацией о побеге способствуя появлению слухов о великом князе. К примеру, депутат Четвертой Государственной думы Б.А. Энгельгардт много лет спустя вспоминал рассказ своего брата, слышавшего в Сибири историю о том, как якобы некие люди, именовавшие себя офицерами, явились к великому князю, предложив тому помощь в немедленном переходе на территорию, контролировавшуюся белыми. «Слуга Мих[аила] Ал[ександрови]ча якобы ярко выражал по этому поводу свою радость, но Михаил Александрович, пройдя к нему, шепнул: “Радоваться, по-видимому, еще нечему, приехавшие вряд ли офицеры, я это вижу не только по наряду, но и по речам и манерам”». Тем не менее, по словам мемуариста, великий князь с ними все же уехал.

«В 1920 году, в районе Владивостока, — продолжал вспоминать Б.А. Энгельгардт, — появился человек, выдававший себя за великого князя Михаила Александровича. Однако самозванство было вскоре вскрыто»[19]. К сожалению, Энгельгардт более ничего не пишет об этом владивостокском самозванце, но его появление — яркий симптом развивавшейся тогда в России социальной болезни, вызванной революцией и гражданской войной, болезни самоидентификации народа, не имевшего ни сил, ни возможностей в одночасье отказаться от прежних религиозно-политических стереотипов, бывших по существу стереотипами православно-монархического толка.

Неслучайно занимавшиеся изучением феномена самозванчества в России XX в. уральские исследователи В.В. Алексеев и М.Ю. Нечаева подчеркивали, что самозванцы прошедшего века «действовали исключительно в религиозной среде, в значительной степени были созданы этой средой. Следственные дела о самозванцах, — писали они, — донесли до нас живой образ верующих 20–50-х гг., оказавшихся в тисках советской действительности и агрессивной атеистической идеологии»[20].

Это очень важное заявление, позволяющее определиться в вопросе о том, на каком фоне рассматривать самозванцев. Стоит отметить, что в то время, в 1928 г., «горлан революции» В.В. Маяковский пишет сатирическое стихотворение «Поп», где называет священнослужителей обманщиками, вынужденными нести «околесицу про какой-то небесный рай», и «вымирающими сторожами аннулированного учреждения»[21], откровенно заявляя об их принадлежности к безвозвратно ушедшему в историческое небытие прошлому, уже никак и ничем не связанному с новым миром, где нет ни «богов», ни царей, и где люди живут полнокровной жизнью.

К тому же, если согласиться с Алексеевым и Нечаевой в том, что «мифологическое сознание — наилучшая питательная почва для самозванчества»[22], что в крестьянской стране (которой была Россия в начале XX в.) это сознание *и не могло быть изжито*, то становится очевидным, почему тогдашнее самозванчество было в основе своей народным, крестьянским движением. Удивительно, но даже в условиях всевластия ОГПУ в Советской России 1926–1928 гг., по неполным данным, самозванцев было до 20 человек![23]. Для нас, однако, интерес представляют не все самозванцы, а лишь один, имя которого оказалось связанным с великим князем Михаилом Александровичем единым мифом. Имя этого человека — *Михаил Алексеевич Поздеев*, в дальнейшем приобретший почитателей не только как «царский сын» и «царский брат», но и как катакомбный епископ, почитаемый в некоторых современных маргинальных группах в качестве святого исповедника и мученика.

М.А. Поздеев родился в деревне Дебесы Глазовского уезда Вотской (Вятской) области в 1886 (или 1887) г. Его мать Екатерина Алексеевна жила со своей матерью, бабкой нашего героя, и занималась стиркой белья, мытьем полов и прочей «черной» работой. Когда мальчику было 12 лет, мать умерла, и он остался на иждивении бабки. В 14-летнем возрасте Михаил Поздеев ушел жить к своей крестной и уехал с ней в Благовещенск. Жизнь «в мальчиках» не была сладкой (крестная отдала его на обучение к суровому парикмахеру), и Михаил Поздеев вер-

[19] *Энгельгардт Б.А.* «Мой младший брат...»: Воспоминания // РНБ ОР. Ф. 1052. Д. 44. Л. 3, 4.

[20] *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург, 2000. Ч. I. С. 9. (Настоящая книга представляет собой сборник документов ОГПУ — НКВД, посвященных самозванцам 20–50-х гг. XX в. — *С.Ф.*).

[21] *Маяковский В.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1978. Т. 5. С. 321.

[22] *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 9.

[23] См. там же. С. 5.

нулся домой, где добывал средства на пропитание милостыней и работой у местных крестьян. Так продолжалось до 22-х лет, когда его призвали в армию, но спустя четыре месяца по медицинским показателям освободили от военной службы. Вернувшись в Дебесы, Поздеев поступил в цирк, с которым чуть более полугода ездил по селам Пермской губернии, затем вновь вернулся к бабке.

После смерти бабушки Михаил ушел в миссионерский Белогорский Николаевский монастырь Пермской епархии, располагавшийся недалеко от города Кунгура. В монастыре пробыл, по собственным словам, года два — служил певчим и исполнял различные «черные» послушания. Монастырь Поздеев покинул, если верить его заявлению, сделанному следователю ОГПУ, видя там пьянство и разврат. Монастырь был сменен на цирк; после цирка пришел черед странствиям по городам и святым местам России. Образование у Михаила Поздеева было небольшое — четыре класса сельской школы. После Февраля 1917 г. (при А.И. Керенском) ни образование, ни весьма странный образ жизни не помешали будущему самозванцу проявить чудеса сознательности и поступить добровольцем в армию. Он даже прибыл на фронт, но в боевых действиях не участвовал. Вскоре наступила демобилизация армии, и Михаил Поздеев в очередной раз вернулся домой и продолжал «вращаться» среди монашествующих[24].

Оценивать биографию не будем: она и без этого «говорящая». Ребенок из «неблагополучной семьи», без профессии, со склонностями к бродяжничеству, знакомый с церковной жизнью не меньше, чем с жизнью мирского «дна», — он просто подходил к роли незатейливого аферист, каковым, судя по документам ОГПУ, и проявил себя в 20-х гг. Человек общительный, Поздеев после 1917 г. в контактах с людьми стал практиковать усвоенную с юности «благочестивую манеру» поведения, выставляя себя монахом, внимательно слушая и собирая всевозможные слухи, будоражившие тогда русское простонародное общество. Поздееву, выдававшему себя за посланца «святых старцев», открывали то, что предпочитали скрывать от властей: «факты» существования царских детей, даже самого Николая II.

Однажды и в самом Поздееве некая благочестивая старушка узрела великого князя Михаила Александровича. Свершилось то, что в дальнейшем стоило беглому послушнику, несостоявшемуся парикмахеру и цирковому клоуну многих лет тюрьмы, лагеря и ссылки, — он решительно «примерил» на себя великокняжескую роль, в течение последующих многих лет умело используя наивные представления уральских крестьян о «спасшихся царях». Разумеется, в то время не он один добывал средства на пропитание самозванчеством: конкурирующие герои были, например, и в Нижегородской, и в Ульяновской губерниях. «Романовых» советские власти ловили и жестоко наказывали. Подобная участь рано или поздно ждала и М.А. Поздеева. В октябре 1927 г. его арестовали, допросив в Секретном отделе Кунгурского окружного отдела ПП ОГПУ по Уралу.

На допросе арестованный заявил, что «добивался той цели, чтобы убедиться, верно ли [из] царской есть фамилии кто, и донести выше»[25], иначе говоря, играл роль провокатора. Поздеев ничего и никого от следствия не скрывал, во всем идя ему навстречу. Ему было чего бояться: ведь еще в 1923 г., будучи арестованным за хранение сургучных печатей, Поздеев не понес наказания — его завербовали в качестве секретного осведомителя ОГПУ, но он быстро прекратил связь с органами. Помощь следствие оценило: если за аналогичные преступления «князья» в Барнауле, Смоленской и Тверской губерниях были расстреляны, то М.А. Поздеев получил за свою антисоветскую агитацию (знаменитая статья 58–10) пять лет лагерей и был отправлен в Соловецкий лагерь. В сентябре 1932 г. дело Поздеева пересмотрели, и его досрочно освободили (официальный срок оканчивался 7 мая 1933 г.)[26].

Однако похождения М.А. Поздеева на свободе оказались недолгими: недалекий ум, болтливый язык и бродяжничество как форма жизни уже в сентябре 1935 г. снова привели нашего героя в тюрьму. Снова он «изобличался» во враждебности к советской власти, в умышленном расконспирировании своих связей с НКВД (так после 1934 г. стало называться ОГПУ), в том, что опять выдавал себя за великого князя Михаила Александровича. Обвинения были столь серьезными, что его

[24] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 30–33; 350, 351.

[25] Там же. С. 75.

[26] См. там же. С. 125, 126.

должны были неминуемо посадить в тюрьму или отправить в лагерь. Но случилось нечто удивительное: в начале ноября 1935 г. расследование не устанавливает его антисоветской деятельности, и дело прекращают. Власти освобождают Поздеева из-под стражи, вероятно, будучи заинтересованы в нем как осведомителе[27].

Научили ли его эти трагические приключения чему-либо? Увы, нет. Поздеев, вероятно, не увязывал своего поведения на воле со своими же тюремными «одиссеями», не имея желания изменить привычный способ заработка. Все повторялось как в плохом анекдоте: прошло только пять месяцев, а незатейливого «великого князя» вновь арестовали, предъявив старое обвинение. Поздеев признал себя виновным (как это делал неоднократно до и после этого случая) и в распространении слухов о том, что Николай II жив, и в том, что выдавал себя за его брата. В июне 1936 г. обвинительное заключение было подготовлено и передано на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Обвиняемый в это время содержался в столичной Бутырской тюрьме, получив в итоге три года исправительно-трудовых лагерей: весьма «гуманный» срок, учитывая и зловещую ст. 58, и то, что обвиняемый — рецидивист[28]. Очевидно, чекисты продолжали считать Поздеева потенциально полезным, хотя и имели возможность убедиться в его несерьезности.

Выйдя в 1939 г. из заключения, наш герой несколько изменил амплуа, сделав акцент не на своем «царском» происхождении, а на епископских полномочиях. Игра вступала в новую фазу: Михаил Поздеев заявляет о себе как архиепископе Смоленском и Дорогобужском Серафиме, не отказываясь полностью и от роли Михаила Александровича. Как это часто бывает, к самозванчеству его подтолкнул случай — некий священник «узнал» в Поздееве архиепископа Смоленского и Дорогобужского Серафима (Остроумова). Узнанный «архиерей» согласился с тем, что он — Серафим, играя на наивности поверивших в него людей. В условиях нараставшего террора против священнослужителей, когда подлинный архиепископ Серафим был репрессирован*, Михаил Поздеев воспользовался именем русского архиерея, не имевшего никакой возможности противодействовать начинавшейся интриге. Самозванец разъезжал по городам России и Украины, аттестуя себя Серафимом и заявляя, что он — выходец из царской семьи. Более того, М. Поздеев распространял слухи о том, что в скором времени выедет к Московскому митрополиту Димитрию — за назначением Экзархом Украины и архиепископом Киевским[29].

Здесь не все ясно, ибо никакого митрополита Димитрия в Москве не было, а «назначение» можно было получить только от митрополита Сергия (Страгородского), Местоблюстителя патриаршего престола, который никогда не выдал бы его самозванцу. Но, как бы то ни было, слишком долго разыгрывать роль архиепископа М. Поздееву не пришлось, в 1940 г. его вновь арестовывают, а в мае 1941 г. как социально опасный элемент он получает 8 лет лишения свободы, считая срок с 21 июня 1940 г. Поздеева отправляют в знакомый ему карагандинский лагерь, откуда досрочно освобождают в 1944 г. Вероятно, его актировали как престарелого и больного человека. Незадачливый искатель счастья приехал в город Бузулук Чкаловской (Оренбургской) области, где проживал вплоть до своего последнего ареста в феврале 1952 г. Никаким «общественно полезным» трудом он, естественно, не занимался, определенного места жительства не имел, без разрешения покидая Бузулук и возвращаясь. Говоря проще, он нарушал режим проживания в паспортизированных местностях, не считаясь с действовавшим тогда законодательством. За эту провинность он и был осужден на два года, срок по тем временам «детский».

Однако уже три месяца спустя все изменилось — на Поздеева чекисты получили несколько доносов, из которых следовало, что он — злостный антисоветчик и идейный руководитель группы «истинно-православных христиан». В документах управления Министерства государственной безопасности по Чкаловской области говорилось, что «в период 1944–1946 гг. Поздеев установил связь

---

[27] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 189, 190, 373.

[28] См. там же. С. 191, 196, 201–203.

* В ноябре 1936 г. архиепископа Серафима (Остроумова) арестовали, приговорили к ссылке в Караганду, затем, через полгода, возобновили следствие, этапировали в Смоленск, приговорили к высшей мере наказания и 8 декабря 1937 г. расстреляли в Катынском лесу.

[29] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С. 204, 205.

с нелегально действующими антисоветско-религиозными группами ИПЦ в городах Соль-Илецке, Бузулуке, в с. Козловке Покровского района и в с. Кирсановке Тоцкого района и возглавил их активную антисоветскую деятельность. До последнего времени, — заявлялось далее, — находясь на нелегальном положении, выдавал себя за великого князя Михаила Романова и систематически в названных пунктах организовывал и проводил нелегальные сборища, на которых под видом исполнения обрядов «истинной православной веры» распространял провокационные антисоветские вымыслы о скорой якобы гибели Советского государства, о невозможности построения коммунизма, восстановлении в СССР монархии»[30].

В документах Поздеев отмечен уже как дважды самозванец и деятель «истинно-православных». На следствии он, как и ранее, во всем признается: будучи иеромонахом, выдавал себя за архиепископа Серафима, разъезжал по области, занимаясь антисоветской деятельностью, выдавал себя за брата Николая II и т.п. Итак: не архиепископ, а только иеромонах. Большая ложь сменяется на малую — ведь и в иеромонахи Поздеева никто не рукополагал. Свидетели показали, что для большей убедительности Поздеев распространял фотокарточку, на которой был изображен рядом с Патриархом Тихоном. Таким образом, получалось, что Поздеев не только «архиепископ», но и рукоположен в епископский сан самим Патриархом. Правда, вскоре Поздеев признался, что фотографии он сфабриковал в конце 1945 г., но то были «мелочи».

Наказание последовало максимальное: он получил двадцать пять лет как «возглавитель группы» ИПЦ в Бузулуке, самозванец, выдававший себя за близкого родственника Романовых и архиепископа Серафима[31]. Вину Поздеев признал полностью, очевидно, надеясь и на этот раз выйти из заключения досрочно. Надежда не подвела его, но причиной на сей раз стала смерть Сталина. В начале 1955 г. Поздеев подал жалобу, указав, что никогда не занимался тем, что ему приписывают, что протоколы подписал под угрозой насилия; он особо подчеркивал, что против советской власти и соотечественников никаких злодеяний не совершил[32]. Однако власти с реабилитацией не спешили, лишь снизив срок наказания до 10 лет[33]. Уральские исследователи, издавшие следственные материалы, связанные с нашим героем, отмечают, что сведениями о судьбе М.А. Поздеева после 1955 г. не располагают. А между тем как раз после выхода этого человека из заключения и возвращения в Бузулук начинается новая, заключительная, часть его биографии, связанная с его тайным «архиепископством»; в нем начинают видеть истинного «катакомбного» архиерея, действительного ученика и последователя Патриарха Тихона.

Так, начавшись в качестве трагедии (или трагикомедии), наша история в конце концов превратилась в фарс, когда наиболее рьяные сторонники Поздеева — «богородичники» — предпринимают исключительные усилия по созданию нового облика «архиепископа» Серафима, не забывая указывать на то, что он — это и великий князь Михаил Александрович. То, что словесный портрет Поздеева, составленный в 1952 г. чекистами, мало напоминает портрет брата Николая II, их нисколько не смущает. Ну и что, что у Поздеева была «фигура средняя», плечи опущенные, а шея короткая, что глаза у него были карие, толстые губы и большие уши со сросшейся мочкой. Разве проблема, что на левой щеке у него была бородавка, а у носа — две родинки[34]. Какая проблема в том, что у Михаила Александровича и рост, и шея, и плечи, и губы, одним словом, все отличалось от описанного у Поздеева, что великий князь не имел на щеке бородавки и родинок у носа! Для подлинных «тайновидцев» сие не принципиально. Принципиально иное: Михаил Поздеев действительно был, он действительно много пострадал (за что — уже другой вопрос), действительно говорил о себе как об архиепископе и великом князе. Остальное — от лукавого.

Чем абсурднее мысль, тем она более захватывает воображение. Недовольство «красной Патриархией», мечта найти «истинное православие» психологически объяснимы, но из этого еще не следует

---

[30] См.: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Указ. соч. С 210–211.

[31] См. там же. С. 333, 335, 340.

[32] См. там же. С. 343–344, 344–347.

[33] См. там же. С. 348.

[34] См. там же. С. 211.

оправдание псевдоисторических конструкций, в которых подлинные герои и мученики оказываются «соединенными» с аферистами и мошенниками, пусть даже и претерпевшими за свое мошенничество выше всякой разумной меры. Одним из таких мошенников у нас есть все основания считать Михаила Поздеева, в «катакомбных» кругах получившего «славу» архиепископа Серафима. Эта печальная слава находит утверждение и в книгах, претендующих на своеобразную «церковную научность». Глупость получает монографическое «обоснование» и начинает «академическую» жизнь. С «Серафимом» Поздеевым начинают связывать различные общецерковные истории и предания, возводя его в ореол не только мученика и исповедника, но также молитвенника и чудотворца.

Однако обо всем по порядку. Прежде всего о религиозных группах, которые связывают себя с Серафимом Поздеевым. Обыкновенно они характеризуют себя как «тихоновцы», тем самым подчеркивая собственную законность и преемство от Патриарха Тихона. Нам уже приходилось говорить о том, что Поздеев после 1945 г. активно распространял легенду о рукоположении во епископы незадолго до кончины Патриарха Тихона, в 1925 г. Легенда прижилась. Сторонники Поздеева увидели в нем «подлинного» архиерея, а он в свою очередь стал «доказывать» это, «рукоположив в епископы» бывшего патриархийного священника Геннадия Секача. Так появилась «серафимо-геннадиевская ветвь» Катакомбной Церкви — странное образование, одно время надеявшееся (в лице своих «архиереев») на признание со стороны Русской Православной Церкви Зарубежом.

Однако в августе 1990 г. было принято постановление РПЦЗ, в котором хиротонии Серафима Поздеева и Геннадия Секача объявлялись неканоничными, главным образом на том основании, что не могли подтвердиться ставленническими грамотами. «Поскольку все ныне живущие архиереи и большинство священников Катакомбной Церкви получили свои рукоположения от одного из этих двух епископов, — пишет современный православный исследователь, «истинный христианин» В. Мосс, — ...этот акт, по сути, был равносилен заявлению, что Катакомбная Церковь не является канонической Церковью...». По словам В. Мосса, это настроило «тихоновцев» против РПЦЗ. По его мнению, впоследствии РПЦЗ смягчила свое отношение к «тихоновцам», а первоиерарх Зарубежной Церкви митрополит Виталий предложил соединиться с ними через простое сослужение, «но ошибка уже была сделана; и по сей день между этими двумя Церквами нет никакого общения»[35].

То, что «воссоединения» не произошло, можно считать исключительно удачным для Зарубежной Церкви стечением обстоятельств, в ином случае ее иерархи стали бы жертвами грубой мистификации. Из своего «прекрасного далёка» некоторые зарубежные клирики и миряне видели то, что хотели видеть в СССР: многочисленных сторонников русских православных «катакомб», тайно возглавляемых несгибаемыми архиереями, канонически связанными с Патриархом Тихоном. Сказка обыкновенно самодостаточна, намек, в ней имеющийся, традиционно прозрачен и понимается односложно. Сказка о катакомбниках, возглавлявшихся «Серафимом Поздеевым», не могла стать исключением. Они воспринимались как «духовно мощные» христиане, а их лидер — как чудотворец. Показательно, что В. Мосс, излагая историю катакомб, не мог удержаться от того, чтобы не описать величие и религиозную силу «Серафима Поздеева», в качестве примера приведя известную в православных кругах легенду о «каменной» Зое.

История 18-летней Зои, согласно церковным преданиям, произошла в 1956 или в 1955 г. в Куйбышеве, на улице Чкалова. Там жила некая Клавдия Болонкина, сын которой Николай пригласил в дом друзей, в том числе и Зою. Поскольку Николай задерживался, то Зоя решила потанцевать с иконой святителя Николая Чудотворца, но окаменела. Икону из ее рук якобы смог забрать только благочестивый иеромонах Серафим (Полоз), которого в дальнейшем власти попросили отказаться от причастности к делу Зои. Иеромонах отказался, был обвинен в мужеложестве, отбыл срок и в Куйбышев не вернулся. По народным рассказам, Зоя ожила, но рассудок ее помутился: без воды и питья она простояла 128 дней[36]. Эта версия иногда дополняется подробностями, например, о том, что Патриарх Алексий (Симанский), услышав историю про

[35] См.: *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917–1999). М., 2001. С. 327, 328.

[36] См.: *Рябинина О.* «Каменная» Зоя // Аргументы и факты. 2006. 9 авг.

Зою, якобы сказал: «Кто наказал, Тот и помилует». Легенда сохранила рассказ о благочестивом старце (вероятно, о самом Николае Чудотворце), который попал в комнату к Зое лишь с третьего раза — до того вызванная безбожными властями охрана не пускала. Он и «пробудил» девушку. Архивные материалы, посвященные этой истории, говорят современные ее сказители, утрачены во время недавнего пожара в здании самарского УВД[37].

Собственно говоря, эту историю по-своему и рассказывает В. Мосс, обращая внимание лишь на то, что патриархийные «попы» и «даже Патриарх Алексий», приезжавшие и служившие молебны, изъять икону из рук Зои не могли. «И только за три дня до Пасхи владыка Серафим пришел и взял икону у нее с очень простыми словами: «Ну, что, настоялась? Давай сюда икону». Зоя пришла в себя, а потом рассказывала: «Ой, мама, как страшно на том свете. Как люди заблуждаются, когда они серьезно относятся к этой жизни и шутят о той загробной, даже не зная, что ждет их». Три дня она прожила и в Светлое Христово Воскресение преставилась ко Господу»[38].

Легенда, понятно, морализаторская, но в нашем случае важно отметить использование имени: и в первом, и во втором случаях некий Серафим предстает тем приходящим праведником, который только и может разрушить заклятие. Если «традиционная» легенда говорит о благочестивом монахе Серафиме Полозе, обвиненном недругами в мужеложестве, то «катакомбная» в этом благочестивом видит не кого-нибудь, а «Серафима Поздеева». Да и не о том речь. «Серафим Поздеев» постепенно становится церковно-исторической личностью, с «биографией», в которой нет упоминаний о балаганной молодости и детстве, проведенном в притоне у бабки-содержательницы.

Конечно, не все «катакомбники» «признавали» Серафима как «истинного архиерея», но большинство среди них называли его епископом, критикуя лишь его «соглашательскую» политику по отношению к Московской Патриархии. Помещая в своем журнале таблицу с именами катакомбных иерархов 1941–1991 гг., сторонники ИПХ отметили и архиепископа Серафима (Поздеева; в схиме Антония; 1887 — 3 мая 1971). Он назван «Смоленским» архиереем, которого хиротонисал Патриарх Тихон (хотя последнее и поставлено под вопрос). Характеризуя принадлежность архиепископа, «истинно-православные» написали *сергианин*, тем самым давая понять, что Серафим Поздеев, по их мнению, принадлежал к патриархийному (т.е. официальному) священству. Пытаясь убрать недоразумения, в примечании они отметили, что Серафим «был принят в общение с М[осковской] П[атриархией] митрополитом Мануилом (Лемешевским)... оставаясь, однако, на нелегальном положении. Естественно, — резюмируют авторы примечания, — все происходящие от него не имеют никакой каноничности»[39].

О каноничности мы судить не будем — это не наша проблема, но все-таки отметим факт опосредованного признания «конкурирующей фирмой» епископского достоинства «Серафима Поздеева». Отметим также, что его не называют братом царя — царские «корни» еще не проросли. Сами «серафимо-геннадиевцы», составляя биографию своего аввы, первоначально писали о его происхождении «из древнего аристократического рода». Согласно этим сведениям, он отказался эмигрировать, после революции 1917 г. сблизившись с Патриархом Тихоном, в 1925 г. его хиротонисавшим. Многие годы провел в заключении; после войны, проживая в Оренбургской (Чкаловской) области, встречался с Мануилом (Лемешевским), разрешившим ему официально служить. По свидетельствам очевидцев, пьянствовал, объясняя, что делает это в целях конспирации. В 1956 г. по состоянию здоровья был выпущен на свободу, чему некоторые его «духовные чада» не хотели верить, обвиняя в предательствах и утверждая, что выпустили его на условиях сотрудничества с КГБ.

Вот такая любопытная биография Михаила Александровича Поздеева, родившегося, заметим, в 1874 г. Согласно второй версии биографии, Михаил Александрович Поздеев родился в 1885 г. и в 1919 г. принял иночество в Арзамасе. Был хиротонисан Патриархом Тихоном, после 1927 г. признавал митрополита Сергия (Страгородского), неоднократно арестовывался. Согласно третьей

[37] См. подробнее: http: // www.didaskal.ru/delo. № 9105.

[38] См.: *Мосс В.* Указ. соч. С. 229, 230.

[39] Русское Православие: Всероссийский вестник И.П. Х. 1997. № 4 (8). С. 14–15, 18.

версии, Михаил Алексеевич Поздеев родился в селе Дебесы в 1887 г. Эту биографию мы уже знаем, как знаем и мотивы, заставлявшие Поздеева выдавать себя за архиепископа[40].

Столь странный архиепископ, однако же, пользуется уважением среди тех, кто называет себя хранителем «истинного» православия, при этом резко негативно относясь и к истинно-православным христианам, и к сторонникам «Богородичного центра». Одно из новых религиозных образований — так называемая Российская истинно-православная Церковь, предстоятелем которой до марта 2006 г. являлся «митрополит Московский» Рафаил (Прокопьев), считает Серафима (Поздеева) последним активным деятелем церковного сопротивления, выпущенным на свободу только в 1964 г. Однако, уважая его память, данная религиозная структура воздерживается от упоминания его в сане архиепископа, «поскольку в связи с длительным его пребыванием в лагерях не сохранились свидетельства о Архиерейской хиротонии, что не умаляет, тем не менее, его заслуг как деятеля Катакомбной Церкви»[41].

Вот так: конечно, признать Серафима архиепископом (тем более великим князем) не можем, но выдающимся деятелем Катакомбной церкви признаем несомненно. Мифы завораживают, не давая возможности отказаться от «своих» героев, даже если они от начала до конца сконструированы. Серафим оказывается символом борьбы с тоталитарным советским режимом, с компромиссами официальной церковности, с врагами веры и благочестия. О том, как он на самом деле вел себя на следствии и суде, как выдавал всех, кто ему помогал, разумеется, предпочитают не говорить. Получается, будто существовали два разных человека — «правильный» Серафим и Серафим-провокатор. Первый — «свой», второй — «засланец» злых сил, олицетворяемых вездесущими секретными службами. Это чувство не будет покидать нас и далее, при разговоре о том, как Серафим Поздеев был превращен в величайшего святого прошлого века и окончательно «переродился» из «просто аристократа» в младшего брата императора Николая II.

Перерождение связано с деятельностью уже неоднократно упоминавшегося «Богородичного центра», возглавляемого харизматическим лидером Иоанном Береславским, личностью по-своему удивительной. Писатель-графоман, наделенный талантом много и сумбурно говорить обо всем на свете, Иоанн Береславский сумел собрать вокруг себя большую группу приверженцев и организовать религиозную структуру, которую в последнее время все чаще называют «тоталитарной сектой». «Его жизнь — сплошной дзен, парадокс и кризис, — пишет о нем один из его сторонников. — Ничего не повторяет дважды. Не может дважды. Не может более нескольких дней усидеть на месте. Всегда в поиске, в пути устремлений, всегда — предельно "включен"». Прямо скажем, нетипичное начало биографии. Куда «включен» — остается гадать. Очевидно, в «инобытие», которым его и привлекло православие[42]. Адепты называют Блаженного Иоанна (именно блаженного) помазанником, «а помазанник никогда не проигрывает»[43]. Помазанник Божий — это, действительно, нечто сверхвеликое, не поддающееся рациональному осмыслению. А раз не поддающееся осмыслению, значит, не имеющее логических характеристик, — только «духовные». Ведь «помазанник» говорит «духом», какие к нему требования. Наш помазанник прошел школу исканий в надежде получить вожделенную «истину». Разумеется, он примкнул к «катакомбникам». В поисках «инобытия» оказался у «секачевцев» — последователей «митрополита» Геннадия Секача (1897–1987), бывшего патриархийного клирика, много страдавшего «за веру» и принявшего епископскую «хиротонию» от Серафима Поздеева буквально за несколько дней до смерти последнего.

В 1991 г. Береславский вместе со своим соратником «игуменом» Ильей Поповым даже выпустит «Жизнеописание главы Истинно Православной Церкви времен хрущевско-брежневских репрессий схимитрополита Геннадия», в котором поведает читателям о двух встречах Поздеева и

[40] См.: Кто есть кто в российских катакомбах: историко-каноническая справка. СПб., 1999. С. 53–55.

[41] Стяжатели Духа Святого. М., 2003. С. 220.

[42] *Афанасьев О.* Блаженный Иоанн: «Я видел и знаю Бога...». М., 2004. С. 3.

[43] См. там же. С. 67.

Секача — в 1939 г. в гомельской тюрьме и в 1971 г. в доме «архиепископа»[44]! Рассказывая о встречах, Береславский и Попов не забывают указывать на аристократизм Серафима — то ли выходца «из древнего царского рода», то ли «приближенного самого царя»[45]. И, хотя название жизнеописания не соответствует истории главы Истинно-православной Церкви (ведь архиереем Геннадий стал, если верить Береславскому, только в 1971 г., и, следовательно, не мог возглавлять Катакомбную церковь ни при Н.С. Хрущеве, ни в первые годы правления Л.И. Брежнева), оно позволяет понять, что Береславский свою «каноническую правомочность» безусловно выводит от Секача.

Согласно официальной версии «Богородичного центра», в 1985 (или в 1987) г. секачевские «иерархи» рукополагают Береславского в сан иеромонаха. Однако уже через год между секачевцами и Береславским происходит разрыв отношений: «иерархи» сочли своего выдвиженца еретиком. Подобные пертурбации не остановили «Блаженного Иоанна», который к 1991 г. уже называет себя епископом. Считается, что «епископом» он стал благодаря «архиереям» Украинской Автокефальной Православной Церкви, возглавлявшейся бывшим епископом Московской Патриархии Иоанном (Бондарчуком; 1929–1995)[46]. Вот так, считая себя наследником «катакомбных» архиереев — идейных борцов с «красной Патриархией», сам Береславский получил рукоположение от одного из бывших ее епископов. Логики в свершившемся искать не будем, она нам не поможет понять действия «пророка». Отметим только, что вскоре «Богородичный центр» был зарегистрирован как «Московская городская профсоюзная организация священников и монашествующих», в июне 1991 г. преобразован в общественно-просветительский фонд «Богородичный центр», с 1993 г. называвшийся «Фондом Новой Святой Руси».

Летом 1992 г. в Управлении юстиции Мосгорисполкома была зарегистрирована первая религиозная община «Церкви Божией Матери “Преображающейся”», а в феврале 1997 г. богородичники сменили старое название, приняв новое: «Православная Церковь Божией Матери Державная»[47]. Вот эта замечательная организация и довела дело «превращения» Серафима Поздеева в великого князя Михаила Александровича до завершения, на практике показав, что на свете нет ничего, что нельзя было бы превратить в полную глупость.

Нам уже приходилось говорить, что первоначально Серафим Поздеев не выставлялся в качестве царского брата, но идея о его «знатном» происхождении, очевидно, подсказывала богородичникам ход их дальнейшей мысли. В самом деле: указывая на Поздеева как на «отца-основателя» иерархии «истинных православных», трудно было не соблазниться простой идеей о его великокняжеском достоинстве — ведь тогда получалось, что «их» духовный лидер — не только иерарх, но и мирской самодержец! С такой «защитой» можно было смело нападать на «красную Патриархию», представляя себя охранителями белых риз православной веры и бесстрашными борцами с «красным драконом» большевизма. С драконом этим, как и с Патриархией, богородичники неустанно боролись в своих книгах, выставляя себя подлинными героями духовной брани и наследниками дореволюционной Церкви.

«Богородичная Церковь, наследующая от Церкви Небесной, — писали ее «священники» еще в начале 90-х гг., — имеет и прямую традицию преемства от Российской Православной Церкви Тихоновской ветви. Один из нескольких уцелевших Соловецких архиереев, правопреемник Русского православия Серафим Поздеев, наряду с архиепископом Гермогеном Ташкентским (давшим заочное благословение с Ташкентской кафедры), выпущенный в 59 г. из стен ГУЛАГа умирать, рукоположил в епископы старца-странника Геннадия Секача, ставшего позднее схимитрополитом и главой катакомбной ИПЦ (организовал 12 монастырей, постриг более 500 монахов и создал, укрепляемый Свыше, великое катакомбное движение)»[48].

---

[44] См.: *Иоанн* (*Береславский*), *еп.*, *Илья* (*Попов*), *игумен*. Тайный схимитрополит: Жизнеописание главы Истинно Православной Церкви времен хрущевско-брежневских репрессий схимитрополита Геннадия. М., 1991. С. 19, 26–28.

[45] См. там же. С. 19, 29.

[46] См. подробнее: *Кокин И.*, *диакон.* «Богородичный центр»: история, вероучение, религиозная жизнь: дисс. ... канд. богословия. Серг. Посад, 2003 (интернет-доступ: http://www.k-istine.ru/sects/other/bc_about.htm).

[47] Там же.

[48] См.: Священство Церкви Пресвятой Богородицы: Красная Патриархия: Волки в овечьей шкуре. М., 1993. С. 33.

Вот так просто и незатейливо: Серафим Поздеев и Гермоген Голубев «благословили». Стоит только указать, что архиепископ Гермоген (Ермоген; 1896–1978) был патриархийным архиереем, с 1953 по 1960 г., действительно, служившим в качестве епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Почитавшийся верующими и плохо переносившийся официальными советскими властями, владыка практически все 30-е гг. провел в ГУЛАГе, но ни в какие «катакомбы» не ушел. То, что именно его мифологи «Богородичного центра» постарались связать с Серафимом Поздеевым, весьма показательно и характерно: ведь у «правопреемника» русского православия должен был быть достойный церковный наперсник.

Правда, больше о Гермогене (Голубеве) богородичники не вспоминали: фактические данные, сознательно фальсифицируемые, на всякий случай следует давать гомеопатическими дозами. Важно подчеркнуть иное: Серафим «породил» Геннадия, Геннадий рукоположил священство Новой Церкви, и соответственно «архиереи и священство Церкви Пресвятой Богородицы имеют прямое преемство от Патриарха Тихона и от архиереев Тихоновской Церкви. Иерархическая ветвь прослеживается полностью»[49]. Эту фразу богородичники не уставали повторять как священную мантру, дабы читатель не усомнился в их «истинности». При этом с датами и цифрами у них достаточно свободные отношения. Серафим, согласно цитированному выше опусу, был отпущен из ГУЛАГа умирать в 1959 г. (хотя встречаются и иные датировки, например, 1964 г.). Геннадия Секача он рукоположил в 1971 г., следовательно, и «заочное благословение» архиепископа Гермогена на это дело должно было (если на минуту поверить богородичникам) последовать тогда же. Но в 1971 г. архиепископ Гермоген жил на покое в Жировицком монастыре (в Белоруссии), после Ташкента сменив одну за другой Омскую и Калужскую кафедры. «Благословлять» из Ташкента он никак не мог.

Но вернемся к Серафиму. В начале 90-х гг. он еще «просто Старец», противостоящий «дракону». В качестве «служителей» этого «дракона» богородичники выставляют Московскую Патриархию — «Церковь лукавствующих», которую окончательно запутал «институциональный демон». Только «на Соловках Церковь потеряла все черты институционализма»[50], стала совершенно другой. К этой новой Церкви Московская Патриархия — «засохшая ветвь» — не имеет никакого отношения. Получается, что и новые святые не имеют к Московской Патриархии никакого отношения, как ранее бывшее, пережитое, не имеет отношения к чаемому будущему.

Символом «чаемого будущего» и стал для богородичников Серафим Поздеев, о котором они стремились писать не только в своих книгах, но и в массовых изданиях, в том числе и «патриотической» направленности. В начале третьего тысячелетия о нем заговорили как о великом князе Михаиле. Почему только тогда? Однозначного ответа у меня нет, однако предположение имеется. Вероятно, идея овладела богородичными лидерами (и в первую очередь Иоанном Береславским) после того, как им стало известно о том, что некий Михаил Алексеевич Поздеев, начиная с 20-х гг., выдавал себя за брата царя и за православного архиерея с именем Серафим. Информация об этом стала распространяться благодаря уральским ученым, прежде всего М.Ю. Нечаевой, работавшей с документами ОГПУ — НКВД — МГБ, касавшимися самозванческих деяний М.А. Поздеева.

Старые мифы оказалось возможным укрепить новыми данными, разумеется, полностью выхолостив историческую составляющую документов. Информация о Серафиме Поздееве по-новому интерпретируется и начинает активно публиковаться. В 2004 г., в частности, статья о выжившем в 1918 г. «великом князе» появляется на страницах газеты Александра Проханова «Завтра». Мир, действительно, полон парадоксов: патриотическая газета, в которой то и дело публикуются статьи о «святом» Сталине и о великом советском проекте, вдруг печатает статью богородичников, к тому времени более десяти лет не устававших сравнивать Сталина с сатаной, а КПСС — КГБ — Красную Церковь называть «черным треугольником» (или трехголовым чудовищем, драконом). С чем сие было связано?

[49] Священство Церкви Пресвятой Богородицы: Красная Патриархия: Волки в овечьей шкуре. М., 1993. С. 35–36.

[50] Там же. С. 251.

Ответить не берусь. Скорее всего с отсутствием какого-либо исторического чутья и нравственных приоритетов у издателей «Завтра». Автором газетной статьи о «Последнем русском царе» был Олег Афанасьев, составитель биографии Блаженного Иоанна. Используя сказочную форму подачи материала, О. Афанасьев сразу заявляет читателям, что Михаил Александрович — личность библейская, судьба его «таинственно-загадочна» и сокрыта от непосвященных. Так, с самого начала читатели вводятся в «тайну», становятся причастны к разгадыванию загадки. Она и не скрывается: О. Афанасьев ошарашивает читателей заявлением о тридцати девяти годах, проведенных великим князем в ГУЛАГе. Немного знакомый с биографией Михаила Александровича сразу же вспоминает: а ведь царский брат до «расстрела» и прожил только тридцать девять лет...

Мистика цифры! Как не увлечься. Разумеется, говорится и о том, что в истории с расстрелом Михаила Александровича не все просто, точнее, совсем не просто. А далее, уже без обиняков, — «настоящая история»: «Согласно соловецкому преданию, в XVIII веке бывшему духовнику Петра I Иову (в схиме Иисусу) на острове Анзер явилась Пресвятая Богородица: "Поставьте здесь Голгофораспятский скит. Спустя два века здесь прольется море крови, и место это будет названо Второй Голгофой"». Вот, оказывается, с чего все начинается — с предания. Конечно, можно ехидствовать, заявив, что у Петра Великого не было такого духовника, или по крайней мере историкам о нем ничего не известно, но это сущие пустяки: в «духе» духовник виднее. Да и не важно это. Важно, что Михаил Александрович, оказывается, связан с трагической историей русской Голгофы XX в. — Соловков. А о них наш автор уже пишет непосредственно со слов своего «духовидца» — блаженного Иоанна, ссылаясь на его опус 2003 г. «Серафим — патриарх Соловецкий».

В сем творении содержится прямая речь владыки Серафима, которая каким-то чудом Божьим дошла до ушей Блаженного. Ему Серафим (т.е. Михаил Александрович) поведал, что, пытаясь убить, красноармейцы стреляли в него двадцать раз. А после стрельбы, не причинившей вреда великому князю, побежали, побросав оружие и думая, что он, Михаил Александрович, их застрелит: ведь о нем шла молва как о новом Суворове среди солдат. Но новый Суворов был выше всего этого: выбросил оружие (!) и с презрением ушел. Ушел, понятное дело, в новую жизнь. Очевидно, ушел вместе со своим секретарем (расстреливали-то вместе). Однако, что стало с Н.Н. Джонсоном, ни блаженный Иоанн, ни О. Афанасьев не пишут. А напрасно! Пропал интересный сюжет.

Спасибо, что хоть «линию» Михаила Александровича постарались выписать, указав, как окровавленный (значит, красноармейские пули в великого князя все-таки попали!) он прошел, творя молитву, несколько десятков верст. Интересно, а сами авторы, будучи здоровыми и на подъеме, проходили когда-нибудь несколько десятков верст? На это не каждый суворовский чудо-богатырь мог сподобиться! Но оставим скепсис: Михаил Александрович добрался до Белогорской обители, где его приютили и дали документы одного из расстрелянных монахов — Серафима Поздеева[51]. Слава Богу, завязка рассказа удалась: имя для великого князя получено. И, хотя в других книгах Блаженный Иоанн пишет, что Михаил Александрович тайно подвизался в монастыре с 1918 по 1925 г. и лишь после смерти (не расстрела!) монаха Михаила (не Серафима!) Поздеева с разрешения игумена взял его документы[52], главное остается: великий праведник XX в. Серафим — это великий князь Михаил.

Вот как вспоминал он сам: «И сложил я царский венец, чтобы стяжать старческий, видя в нем совершенную радость и призвание». То, что «в миру» оставил он любимую жену, никак не решив вопрос о своем брачном состоянии, даже и объяснять не надо: стяжание «старческого» венца — подвиг, равного которому нет; стоит ли «стяжателю» задумываться над сущей безделицей — над браком?! Вот, очевидно, Михаил Александрович (он же Серафим) и не задумался, равно как его главный «интерпретатор» Блаженный Иоанн. Даже монашеский клобук носил новый Серафим днем и ночью, дабы никто не заметил его

[51] См.: *Афанасьев О.* Последний русский царь // Завтра. 2004. 13 апр. № 16 (543).

[52] См., напр.: *Иоанн, архиеп.* Соловецкий сад. М., 2003. С. 113.

сходства с отцом — императором Александром III. А дальше — больше. Оказывается в богоспасаемом Белогорском монастыре жил духовник Патриарха Тихона, некий старец Николай. Он и направил Серафима в Москву, где по его благословению Святейший и посвятил бывшего великого князя во епископы, да не просто епископы, а как своего преемника! Михаил, вернее, Серафим, вошел в инобытие, доказав свою царственность десятилетиями, проведенными в сталинских застенках, но в порфире небесной любви!

А какое резюме? Чрезвычайно простое и ясное: «Вторая Соловецкая Голгофа открыла тайну Христа Святого Духа, открыла человечеству дверь грядущей богоцивилизации. Совершилось великое искупление, и к нему еще никто не приобщен». Понятно, что «тайна Соловецкой Голгофы сокрыта новыми фарисеями», «что возрождение России и стран мира напрямую связано с поклонением Соловкам», что «Соловецкая Голгофа — сумма всех страданий не только русского народа, но и всего человечества». Непонятно лишь, как Серафим Соловецкий обращается к Президенту России («и правителям») с заявлением о том, что прославление Соловков почти мгновенно изменит судьбу страны, выдвинув ее в авангард мировой истории и сделав ее могущественнейшей державой мира. Неужели посредством «медиума» Береславского, пытающегося убедить всех, что в ГУЛАГе Серафима называли русским богом, творившим «неслыханные чудеса», сравнимые с теми, что творил в свои земные дни сам Спаситель?[53].

Вопрос, понятно, риторический, и все же недоумение остается. Как подобное «творение» о великом князе — Соловецком Патриархе могло появиться в газете, где публикуются, хотя и идеологически ангажированные, но в большинстве своем психически адекватные публицисты и политики? Как в газете, главный редактор которой стремится доказать свою *православность*, могла появиться статья, которую нельзя назвать даже благочестивой сказкой, ибо в ней попираются решительно все устои и традиции русской христианской религиозности и предлагается прославление не конкретных мучеников и исповедников, а Соловков? Почему тогда не ГУЛАГа? Конечно, Соловки есть символ страданий невинных жертв террора, но зачем тогда говорить, что прославление символа приведет к мгновенному изменению страны? Ведь евангельские чудеса совершались Христом не для доказательства могущества Его проповеди, а ради ближних, нуждавшихся в помощи. У Блаженного Иоанна мы ответа не найдем, как не найдем его и на страницах газеты «Завтра», оказавшейся сознательной жертвой дешевой сенсации.

Но «превращение» проведено. Долой всякие сомнения. Отныне богородичники разрабатывают свое «богословие», опираясь на созданный культ «Серафима Романова», который «следующий после Богоматери» достиг «степени обожения и бессмертия, стал у древа жизни»[54]. Осталось подобрать новые эпитеты — и дело сделано. Блаженный Иоанн без труда их подбирает, указывая, что на Соловках Бог встретился с человеком и что этот человек — Серафим — Авраам третьего тысячелетия. Он — единственный противостоящий язычеству и идолопоклонничеству, единственный не сломленный в коммунистической России герой, противостоявший всей системе. Да, «были и другие, отвергавшие коммунистический строй, но ни один не мог противостоять в такой силе духа, как этот последний русский царь. Ни один не принял такого креста и не прошел уничижения, достойного царя, сравнимого разве что с подвигом его брата Николая II. На Николая мир уже прозревает. Серафима же, Михаила Романова, забыл. Господь хранит его для Откровений — III»[55].

Богооткровения — III, очевидно, — откровения III тысячелетия, которые будут сообщаться страждущим Блаженным Иоанном по мере необходимости, им самим установленной. Судя по прозвучавшим словам, богородичники вполне могут внести свой посильный вклад и в развитие «богословия» Николая II, на фоне которого «цареискупительные» заключения «традиционных» православных могут показаться детским лепетом. Но это — дело возможного будущего. Не стоит забегать вперед. Пока достаточно истории Сера-

---

[53] См.: *Афанасьев О.* Указ. соч.

[54] *Иоанн, архиеп.* Указ. соч. С. 84.

[55] *Блаженный Иоанн.* Победитель ГУЛАГА. Евангелие Соловков. Откровения Господа и Божией Матери 1991–2003 гг.: Откровения Серафима Соловецкого, статьи блаженного Иоанна (далее — Победитель ГУЛАГА...). М., 2004. С. 41, 42.

фима-Михаила, «победителя ГУЛАГа», о котором, не удержавшись, написала несколько слов и З.А. Крахмальникова, известный по советским еще временам диссидент, писатель и религиозный публицист. Парадоксально, но именно ее послесловием завершается книга Иоанна Береславского о Серафиме. Этот мифический герой видится Зое Александровне «мыслителем и праведником», одарившим «Россию своими откровениями о Соловецкой голгофе, о победе Крестной любви над адом и смертью, о рождении Огненной иерархии старцев-победителей и о злодействе и пошлости лидеров коммунизма, соорудивших лагеря смерти для тех, кто захочет совершить "побег" из "советского рая"»[56]. Сказано красиво, но о ком? З.А. Крахмальникова, вероятно, не слишком задумывалась над этим, попав в «сладкий плен» басен новоявленного богородичного гуру. Вера в лучшее, в олицетворенный идеал не может не вызывать уважения, но принимать участие в популяризации бесчестной сказки — не лучшая участь для честного человека, осуждавшего «горькие плоды» официальной Русской Православной Церкви.

И все же, кого богородичники противопоставляют своему Серафиму, «Патриарху Соловецкому», ведь он для них — своего рода религиозное знамя, «отец солнечной иерархии»? Ответ может показаться парадоксальным, но главный «идейный» враг для них — Иосиф Волоцкий, «предатель» дела Святой Руси. «В XVI в. дьявол по попущению Божию послал злодея великого, — пишет Блаженный Иоанн, — и Иосиф Страшный свою иерархию предначертал на пятьсот лет вперед»[57]. Вот, оказывается, кого противопоставляют «патриарху Соловецкому» XX века!

Подобная критика волоколамского игумена не нова. Роковой фигурой считал Иосифа Н.А. Бердяев[58], о нем жестко писал религиозный философ русского зарубежья П.К. Иванов, автор нашумевшей в свое время книги «Тайна святых: Введение в Апокалипсис». Иванов подчеркивал, что Иосиф стал проповедником нового учения в Русской Церкви, превознося «материальную зажиточность и богатство как некую священную необходимость для монашества и иерархии». Православного царя, указывает философ, Иосиф превозносит за охрану Церкви, суд царя называет самым высшим. Но царь возвеличивался до тех пор, пока не знал снисхождения к еретикам, беспощадно их казнил. Насилие над инакомыслием, привлечение государства к уничтожению еретиков воспринималось Иосифом как первейшая государственная необходимость, что, по мнению П.К. Иванова, следует считать настоящим церковным преступлением[59].

Резко критиковал иосифову теорию государственного покровительства Церкви и выдающийся русский историк П.Н. Милюков. «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой Церкви и содействовал ему всеми возможными средствами», — писал Милюков, указывая, что и на монастырь игумен смотрел «как на своего рода государственное учреждение, имеющее целью подготовлять иерархов для государственной Церкви»[60]. Таким образом, уловив главную причину критики Иосифа Волоцкого русскими интеллектуалами, богородичники решили использовать критику церковно-политических воззрений Иосифа для конструирования собственной «философии истории». Ничего выдающегося в этом нет: часто формирование новых идеологических схем производится за счет разрушения старых.

Богородичники прошли старым проверенным путем, с гневом указав, что «пятьсот лет иосифлянские смуты наполняли Святую Русь! Иосифлянцами, — восклицал Блаженный Иоанн, — были и старостильники, и никонианцы, и эрпэцешники и катакомбники, — озлобленно-ожесточенные, чуждые покаянию, с приражениями превратных садистских образов патологического подсознания Иосифа, — верили в Бога, которого нет»[61]. Вот так: все бывшие до нас представители «официальной»

---

[56] *Блаженный Иоанн.* Победитель ГУЛАГА... С. 434 (послесловие З.А. Крахмальниковой).

[57] *Иоанн, архиеп.* Соловки — Вторая Голгофа: Соловки в истории России. М., 2002. С. 223.

[58] См.: *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 131.

[59] См.: *Иванов П.* Тайна святых: Введение в Апокалипсис. М., 1993. Т. II. С. 509, 510 и др.

[60] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. I. С. 36, 37.

[61] *Иоанн, архиеп.* Указ. соч. С. 224.

русской церковности, поддерживавшие взгляды Иосифа Волоцкого, не были и не есть наследники Святой Руси. Это наследство принадлежит только носителям подлинной божественной любви — богородичникам. В их лице Святая Русь отвергла «иосифлянскую нечисть», а «иерархия Серафимова преобразит вселенную»[62]. Именно такой якобы хотел видеть иерархию император Николай II в 1905 г., желая отречься от престола. Но тогда не вышло, выйдет сто лет спустя, в 2005 г. И, в самом деле, почему нет: ведь «грядет и уже сошла неописуемая иерархия Брачного чертога»[63]?

О чем же и говорить, как эту иерархию определять, если она *неописуемая*? В нее соответственно надо только верить, верить в ее харизматического лидера, как и во все то, что он говорит и пишет, — о Серафиме Поздееве/Романове прежде всего. Мифический образ создан, место в нашем «пантеоне славы» ему определено. Остается ждать развития истории, не слишком в этом ожидании полагаясь на здравый смысл сочинителей, но в очередной раз соглашаясь со старинной народной присказкой: «Сказка — ложь, да в ней намек», который есть урок для «добрых молодцев.

© Фирсов С.Л., 2010

[62] См.: *Иоанн, архиеп.* Указ. соч. С. 226.

[63] См. там же. С. 226–227.